

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 340.113(082)

К.И. Бринев

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ О РЕЛИГИОЗНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ

Статья посвящена описанию состояния судебной лингвистической экспертизы религиозных текстов в части выявления в них признаков экстремизма. Выявляются неэффективные теоретические презумпции, которые лежат в основании анализа религиозных текстов (эссенциалистская теория определений, концепция критериев). Утверждается, что теория определений и концепция критериев приводят к тому, что лингвистический анализ спорного текста подменяется принятием юридических решений, что выходит за рамки компетенции лингвиста-эксперта. Отдельно обсуждается целесообразность привлечения психологов и религиоведов к проведению экспертиз религиозных текстов. Также обсуждаются выводы возможности, которые часто встречаются в экспертных заключениях по делам о религиозном экстремизме, данные выводы характеризуются с точки зрения их эмпирического содержания.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; лингвистическая экспертиза; компетенция эксперта по делам о религиозном экстремизме.

Судебная лингвистическая экспертиза по делам об экстремизме в настоящее время представляет собой едва ли не самый спорный класс экспертных исследований. Очень часто приходится наблюдать ситуацию, когда экспертные оценки одного и того же текстового материала являются прямо противоположными¹.

Цель данной статьи – обсудить некоторые проблемные вопросы как общего, так и частного характера, от решения которых, на наш взгляд, зависит эффективность судебной лингвистической экспертизы по делам о религиозном экстремизме.

Концепция критериев. Эта концепция достаточно распространена в лингвистической экспертизе и является одним из вариантов лингвистического эссенциализма². Согласно этой концепции при производстве судебной лингвистической экспертизы невозможно добиться удовлетворительного результата, не разработав шкалу критериев того или иного лингвистического явления. Например, невозможно в тексте выявить призыв, утверждение о фактах, не выделив предварительно критерии призыва или утверждения о фактах, или – невозможно оценить текст как разжигающий социальную рознь, не выделив критерии социальной группы. Поэтому представители концепции критериев считают, что первоочередной задачей теоретических изысканий в области судебной экспертизы являются поиски критериев ключевых понятий или явлений экспертной деятельности («призыв», «сходен до степени смешения», «социальная группа», «факт», «оценка» и т.п.). Универсализм такой теории достаточно очевиден³, проблема критериев переходит из работы в работу, однако не видно, как и когда она решится. Отметим, что этого не видно потому, что данная проблема неразрешима и, более того, не является настолько важной, как это кажется представителям концепции критериев. Проблема критериев – сугубо конвенциональна, представляет собой проблему решения, а не факта.

Существует полная аналогия между концепцией критериев и проблемой определения терминов или поиском сущности конкретного явления. Поиск критериев тоталитарной секты, экстремизма, социальной груп-

пы, дозволенных форм речевого поведения не является вопросом эмпирической науки, он не связан с описанием какого-то положения дел, но полностью находится в плоскости соглашений (конвенций) об употреблении языка. Постановка проблем такого рода в экспертных исследованиях приводит к подмене фактов решениями⁴. Две различные экспертизы, в одной из которых произвольное объединение лиц признается в силу каких-то критериев социальной группой, а в другой в силу иных критериев это же произвольное объединение группы лиц не признается социальной группой, просто разделяют различные соглашения об использовании словосочетания «социальная группа», т.е. они различны в решениях о том, что должно быть поименовано данным словосочетанием, хотя может иметь место впечатление, что в них решаются какие-то весьма значимые эмпирические вопросы.

Из этого следует, что поиск критериев должен полностью находиться в плоскости решений, а не фактов, критерии – это ответ на вопрос «Что называть словом X?» (конвенциональный словесный вопрос), который в юридическом аспекте трансформируется в вопросы «Что запрещено?», «С чем необходимо бороться?», «Почему с этим необходимо бороться?» (мораль, этика и право), а не в ответ на вопрос «Что происходит?» (эмпирическая наука).

Чтобы сказанное было максимально ясным, отметим, что не существует в эмпирическом отношении критериев разжигания религиозной розни, критериев направленности речевого произведения на разжигание межрелигиозной вражды, критериев подрыва уважения к произвольной религии и др. Проблема критериев (как она ставится и решается в лингвистической экспертизе) – это проблема конвенции, а не эмпирической науки, вопрос «Каковы критерии...?» не разрешим в эмпирической плоскости.

Проиллюстрируем данные тезисы на примере спора о критериях понятия «тоталитарная секта», или критериях тоталитарных сект.

Термин «тоталитарная секта» является центральным в работе А.Л. Дворкина «Сектоведение» [2].

Один из аспектов проблемы связан с вопросом о научности или ненаучности данного понятия. Еще раз отметим, что споры относительно понятий, в том числе споры об их научности, не имеют никакого познавательного значения, они способны лишь тормозить рост научного знания (о росте научного знания см. [3]). И в этом отношении как те, кто защищает понятие «тоталитарная секта», так и его противники, которые говорят о его ненаучности, на наш взгляд, пытаются решить лишнюю содержания проблему. Если рассматривать словосочетание «тоталитарная секта» лингвистически, то объем его эмпирического содержания, безусловно, нечеток, что в принципе свойственно всем словам русского языка, в том числе и так называемым научным терминам. На эмпирической составляющей высказываний с термином «тоталитарная секта» мы остановимся позже, сейчас же необходимо отметить, что данное словосочетание содержит еще и оценочный компонент, или – в другом аспекте – деонтический или директивный, он может быть сформулирован следующим описанием: «так не должно быть, такие организации недопустимы, в отношении таких организаций необходимы санкции». Из этого следует, что выражение «X – тоталитарная секта» в лингвистическом отношении больше напоминает вердиктив (а точнее – приговор), но не собственно констатив (= утверждение о факте). А если это так, то выражения с данным словосочетанием включают в себя аспект решения, т.е. аспект оценки фактов с точки зрения их недопустимости. Любое решение конвенционально, оно не выводимо из фактов, не может быть никаких так называемых критериев решения, которые находились бы в натуралистском смысле в самой природе вещей – в данном случае в самой природе религиозных организаций. А потому невозможны натуралистские критерии так называемых тоталитарных сект, и в этом плане необоснованна позиция как самих сторонников понятия «тоталитарная секта», которые полагают, что существуют такие критерии, так и противников, которые упрекают первых за отсутствие четких критериев.

Приведем конкретный пример: факт массового самоубийства сам по себе не является ни порочным, ни благим (сам факт заключается именно в том, что в таком-то месте, в такое-то время, по таким-то мотивам имело место массовое самоубийство). «Плохим» или «хорошим» этот факт делают наши решения, а отсюда вопрос о том, делать ли критерием недопустимости религиозной организации наличие в ней пропаганды или сознательного или бессознательного допущения массового или одиночного самоубийства – это вопрос наших решений, но не фактов. Допускать ли такие факты или запрещать их – вопрос, скорее, законодательный, но не религиозный. Таким образом, вопрос критериев не так уж сложен, научен и запутан, как это может показаться. Более того, этот вопрос не имеет к науке никакого отношения (за исключением, вероятно, юриспруденции или этики), но имеет прямое отношение к качеству действующего законодательства. Разработка таких критериев не представляет собой трудности, так как полностью зависит от того, какие решения общество готово принять по этому

поводу (мы опускаем в данном случае саму технику принятия таких решений).

Таким образом, с номиналистской точки зрения квалификация религиозной организации как тоталитарной секты не имеет эмпирического значения, а вопрос «Является ли X тоталитарной сектой?» имеет по большей части оценочное, а не дескриптивное значение. Более значимы с нашей точки зрения вопросы следующего вида: «Допустимо ли отрицать существование Троицы или значимость Рождества?», «Допустимо ли иметь несколько жен?», «Допустимо ли пропагандировать идею о том, что под воздействием определенных процедур и чтения конкретного текста человек излечивается от рака?».

Ответ на данные вопросы предполагает либо наличие определенных решений, либо обсуждение и выработку таких решений, при этом выражение-вердиктив «это тоталитарная секта» не является ни необходимым, ни достаточным для оценки религиозного направления.

В этом аспекте целесообразно сосредоточиться на установлении конкретных фактов, связанных, например, с возможностью добровольного выхода из общины или характеристикой последствий выхода из нее, пропагандой самоубийства, фактами мошенничества и т.п. Перечень таких фактов-критериев приведен в ст. 14 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Некоторые частные вопросы судебной лингвистической экспертизы спорных речевых произведений по делам об экстремизме

Направленность речевого произведения на разжигание ненависти и вражды. Несмотря на разъяснения, которые даны в Постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29 июня 2011 г., лингвисты до сих пор отвечают на вопрос о направленности / ненаправленности спорного речевого произведения на разжигание межрелигиозной вражды. Напомним, что согласно указанному Постановлению «При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды».

Мы уже отмечали ранее [4, 5], что реконструкция некоммуникативных намерений не может быть осуществлена при помощи лингвистического исследования, так как речевые произведения способны употребляться неискренне, потому описание иллюкуции более напоминает формулу «Говорю, как если бы хотел, чтобы X» (говорю, как если бы хотел призвать, оскорбить и т.п.), из которой напрямую не выводятся некоммуникативные цели, а потому вывод о направленности, который в юридическом сознании тесно увязывается с категорией «умысел», является некорректным, а давая положительный ответ на подобный вопрос, лингвист

фактически сразу выносит приговор. Таким образом, ответ на вопрос о направленности требует корректировки, которой, как правило, в лингвистических исследованиях нет.

Все это не значит, что реконструкция иллюкутивных целей сама по себе не представляет никакого интереса, иллюкутивные цели представляют собой значимые, хотя и косвенные факты, которые способны соотноситься с составом преступления / правонарушения. Однако эти косвенные факты должны соотноситься и не противоречить каким-то другим внетекстовым фактам, только при таком условии возможно установление совпадения / несовпадения некоммуникативных и коммуникативных целей речевого произведения. Строго говоря, некоммуникативные цели – а в данном случае умысел на разжигание – не могут быть получены напрямую, но выводятся из фактов, которые способны косвенно обосновать наличие ментального состояния «Я хочу».

Ответы возможности. Весьма интересны в экспертизах по религиозному экстремизму так называемые ответы возможности. Они представлены высказываниями вида «высказывание способно подорвать уважение к традиционному христианству», «высказывание способно разжечь межрелигиозную ненависть и вражду». Данный тип высказываний асимметричен: такие высказывания неопровержимы, но верифицируемы. Это их свойство порождает интересные следствия.

Их неопровержимость влечет то, что они при любых условиях истинны. Предположим, что в результате экспертного исследования дан ответ, что класс высказываний, которые присутствуют в том или ином источнике, способен подорвать уважение к традиционному христианству. Этот ответ сформулирован настолько в общем виде, что он истинен и при условии, что количество человек, потерявших уважение к христианству, равно одному (достаточно одного человека, который потерял уважение к христианству после прочтения текста, чтобы искомым вывод был истинен). Более того, также он истинен, если не зафиксировано и никогда не будет зафиксировано ни одного примера утраты уважения к традиционному христианству в результате прочтения данного текста. Истинен потому, что такая возможность остается при следующем прочтении данного текста. И так до бесконечности: если каждое следующее прочтение не принесло постулируемый результат, то он остается возможным при следующем прочтении. Если подходить к данному вопросу логически, то предрасположенностью подорвать уважение к традиционному и нетрадиционному христианству обладает любая фраза русского языка, и этот вывод справедлив, так как данное утверждение нельзя опровергнуть никаким возможным опытом.

То, что описано выше, может показаться схоластичным и не имеющим отношения к производству реального экспертного заключения, но, на наш взгляд, это, напротив, показывает, что в решении определенных экспертных задач эксперты-лингвисты основываются не на логике и специальных лингвистических познаниях, но на своих субъективных и бытовых представлениях о положении дел в области экстремизма вообще и религиозного экстремизма в частности.

Думаем, несложно представить себе, как методически выглядит принятие подобного решения: эксперт ставит себя на место верующего и отвечает на вопрос «Оскорбило ли меня выражение о том, что все остальные религии, а значит и моя – ложные?». Естественно, он получает положительный ответ на поставленный вопрос. По нашему мнению, такой ответ и такая процедура ответа основаны не на специальных лингвистических познаниях, но – еще раз отметим – на субъективистских представлениях экспертов. Эксперт в данном случае основывается на фоновых знаниях и прибегает, как нам кажется, к такой логике: «Люди склонны обижаться, если кто-либо считает их убеждения неверными, их ценности ложными или незначительными. Православные христиане почитают крест. В спорном тексте присутствует утверждение, что крест не нужно почитать. Православные христиане могут обидеться на данное высказывание».

Ценность таких выводов для суда растет прямо пропорционально количеству лиц из группы тех, кто может обидеться на спорное высказывание, так как вывод о способности подрывать уважение, оскорблять, разжигать межнациональную рознь непосредственно верифицируется в судебном заседании (напомним, что данные высказывания способны быть верифицируемыми). Приведем конкретный пример из судебного решения по делу о признании экстремистской местной религиозной организации «Свидетели Иеговы» г. Таганрог: А) «Выводы экспертов подтверждаются показаниями свидетелей. Так, свидетель Балов Л.С. показал, что у него литература вызывает негативные эмоции и навязывание и оскорбляют его как православного»; Б) «В ходе проведения по жалобе проверки были опрошены граждане И., Д., Б., которые в своих объяснениях пояснили, что на улицах города постоянно подходят Свидетели Иеговы и навязывают свою религиозную литературу, несмотря на объяснения граждан о том, что они являются православными христианами. Взяв и просмотрев распространяемую литературу, они обнаружили в ней много клеветнических высказываний в адрес различных религий, в том числе в адрес православия, что затрагивает их религиозные чувства».

Таким образом, вывод, который формулируется со словом «способен», «застрахован от неудач»⁵, так как в худшем случае он останется голословным, но при этом истинным, а в лучшем – еще и найдется несколько человек, которым спорное речевое произведение не нравится. Однако является ли достаточным основанием для признания материалов экстремистскими наличие конфликта по каким-то соображениям между двумя религиозными группами? Нетрудно представить себе ситуацию судебного разбирательства, где эти же группы поменяются местами и обиженные станут экстремистами. Так, на наш взгляд, вполне возможно, что текст работы А.Л. Дворкина «Сектоведение» по критерию возможности подрыва уважения к другим религиям является экстремистским.

Отметим, однако, что теория, включающая вероятности, и ее применение в лингвистической экспертизе являются объективно сложными и нам бы не хотелось, чтобы наши предыдущие высказывания интерпретиро-

вались как отрицание способности лингвистики поставить и решить названную проблему, мы хотели только показать, что в настоящее время лингвистические представления о возможности и вероятности неудовлетворительны и не могут применяться в экспертном исследовании.

Неудовлетворительны они потому, что современная лингвистика – лингвистика детерминистского типа. Но в паре «речевое произведение – реакция» нет детерминистской связи, так, вопрос может вызвать ответ, молчание, оскорбление и т.п. Детерминистская лингвистика не в состоянии в настоящее время описать реальные механизмы взаимодействия говорящего и слушающего. Требуются новые модели описания речевого воздействия и его результатов, эти модели должны учитывать индетерминистский характер речевого взаимодействия, в частности учитывать то, что модель взаимодействия не построена по принципу стимул – реакция, слушающий свободен в своем поведении, поэтому речевые действия говорящего могут быть как успешными, так и неуспешными.

Несмотря на то что это достаточно очевидно и, скорее всего, разделяется всеми лингвистами, это почему-то не учитывается при производстве экспертизы, а также не учитывается и в фундаментальных исследованиях. Особенно заметно это при описании речевой манипуляции, где способ построения высказывания (наличие технических приемов воздействия) отождествляется с успехом речевых актов. Другими словами, если в речевом действии применен так называемый прием навешивания ярлыков, то имеет место манипуляция – скрытое воздействие на сознание слушающего. Это, на наш взгляд, свидетельствует об эмпирической бедности теорий взаимодействия, их неприменимости при производстве реальных экспертных исследований. Поэтому мы позволим себе не согласиться с некоторыми авторами в том, что «концептуальные основы и эпистемология судебной лингвистики заключены в различных разделах и направлениях современного теоретического языкознания и необходимо лишь выбрать оптимальные концепции» [6].

Большинство фундаментальных теорий (не все!) в силу их эссенциалистского характера просто не могут применяться на практике, потому что не имеют или имеют весьма опосредованное отношение к эмпирической науке. Особенно ясно это стало при производстве лингвистических экспертиз по делам об оскорблении, при так называемом разграничении фактов и оценок, призывов и «непризывов», этот ряд можно продолжать: любая лингвистическая проблема разграничения, которая заканчивается поиском критериев, не носит эмпирического характера.

О религиозной и психологической составляющей в экспертизе религиозных текстов

В настоящее время, на наш взгляд, остается непонятным, какие значимые факты может установить религиозное исследование спорного материала. Сразу необходимо отметить, что этот вопрос нуждается в детальном обсуждении. Вполне возможно, что религиозная составляющая экспертного исследова-

ния способна устанавливать значимые по делам о религиозном экстремизме факты. Однако, на наш взгляд, необходимо все-таки ответить на вопрос, каковы конкретно эти факты.

Если цель религиозной составляющей квалификация «безвредности» / «полезности» идеологии, организации и т.п., то очевидно, что это не факт, а решение по поводу фактов, и вряд ли такая цель может быть приемлема, экспертиза при таком подходе из действия, направленного на установление и описание фактов, превращается опять-таки в вынесение вердикта, что, на наш взгляд, может быть оценено как выход за пределы компетенции эксперта. Допустимость или недопустимость религиозных идей, на наш взгляд, не может иметь отношения к самой религии, т.е. не может касаться вопросов «Как верить?», «Во что верить?», «Какова модель мира?», «Каково положение человека в мире и каковы его отношения с богом?», «Какие праздники праздновать и что чтить, а что не чтить?». Безусловно, религиовед способен ответить на все эти вопросы, включая историю возникновения религий и историю межконфессиональных отношений между какими-то конкретными религиями, однако встает вопрос о том, какое это отношение имеет к установлению фактов по делам об экстремизме. Даже такой, казалось бы, сугубо религиозный вопрос «Является ли данная группа религиозной?»⁶ представляет собой вопрос решения, а не факта, другими словами, это вопрос критериев, а значит не носит эмпирического характера. Выработка же конвенции ради самой конвенции, даже если в этом участвуют ученые, на наш взгляд, не обладает ни научной, ни практико-юридической ценностью.

Еще раз отметим, что вопросы, которые связаны с возможностью религиозной составляющей в проведении экспертизы, требуют критического обсуждения, и мы не преследуем в этой статье цели – отбросить религиозную часть в качестве лишней (предположим, что консультация религиоведов на стадии разработки и принятия законов будет весьма ценной, вероятно также, что может представлять ценность обнаружение искажения фактов межконфессиональных отношений, возможно, и каких-то иных историко-религиозных фактов). Однако складывается впечатление, что религиозное исследование в настоящее время во многом дублирует лингвистическое исследование или в определенных случаях подменяет факты решениями; решения же, на наш взгляд, прерогатива юристов.

В качестве предположения и с целью обсуждения выскажем тезис о том, что более уместным было бы привлечение специалистов в области идеологий, которые могли бы дать оценку идеологической системы с точки зрения степени авторитарности идей, которые характерны для той или иной религиозной группы или религиозной системы. Однако еще раз отметим, что все это требует критического обсуждения.

Остается также открытым вопрос о целесообразности привлечения психолога к исследованию спорных текстов по делам о религиозном экстремизме. Особенно требует обсуждения ценность результатов, которые получает психолог при опросе информантов (нам встречался, например, опрос, который был направлен

на так называемый факторный анализ выборки). Создается впечатление, что в такого рода исследованиях выясняется не конкретные факты, которые значимы с точки зрения констатации наличия / отсутствия состава правонарушения, но исследуется устойчивость средне-статистической нормы социальных оценок речевого поведения говорящего.

Поясним этот тезис. Если психологическое исследование проходит в форме опроса, то психолог, пытается доказать, что с точки зрения восприятия спорный текст / фраза вызывает негативные эмоции или реакции, которые можно интерпретировать на шкале «признаки возбуждения межрелигиозной розни». Однако предположим следующую ситуацию: в результате экспериментирования с фразой «Давайте вырежем... (на месте многоточия имя последователей любой религиозной организации)!» мы получили в репрезентативной выборке ответ «безразлично», количественно равный ста процентам⁷. Что следует из этого факта? По нашему мнению, ничего. Это не свидетельствует ни о том, что реципиенты не поняли речевое действие, ни о том, что они разделяют ценность «Необходимо вырезать представителей такой-то религиозной организации». Возможно себе также представить, что в выборку попадут реципиенты, которые разделяют такую ценность, и что в результате экспериментирования у ста процентов опрошенных возникнут положительные эмоции после прочтения данной фразы, но и из этого факта ничего не следует относительно отношения данной фразы к составу конкретного экстремистского правонарушения, такие ответы не делают искомую фразу «неэкстремистской», они просто характеризуют выборку информантов и не более того.

Еще раз отметим, что все тезисы, которые изложены в этом фрагменте статьи, требуют широкого научного обсуждения, тогда как научное сообщество (как нам кажется) более склонно к созданию методик проведения экспертизы, что является, по нашему мнению, несколько преждевременным.

Экспертные задачи

На наш взгляд, в настоящее время лингвистическая экспертиза способна устанавливать лишь следующие факты:

1. Описывать речевое поведение говорящего.

На данном уровне описываются иллокутивные цели, которые реализуются в тексте. В религиозных текстах, как правило, доминирует⁸ цель распространения учения или пропаганды религиозных ценностей, которая может быть описана следующей структурой:

Верю (я убежден), что X

Хочу, чтобы ты верил (был убежден), что X

Говорю тебе, что X, для того, чтобы ты верил (был убежден), что X

Здесь X – пропозициональные функции или классы пропозиций, которые описывают:

1. Космогонию. Компонент, который сообщает информацию об устройстве и происхождении мира. Данный компонент имеет форму утверждений о фактах,

которые, как правило, носят неэмпирический характер (другими словами, не могут быть опровергнуты ни при каких условиях – «Бог существует»).

2. Дозволенные или недозволенные формы поведения. Этот компонент включает в себя нормативные высказывания, которые определяют дозволенные / недозволенные линии (формы) поведения. Такие высказывания, как правило, обосновываются тем, что нормы поведения установлены самим Богом либо вытекают из авторитетных источников. В любом случае нормы требуют авторитетности источника их происхождения.

Начнем описание именно с этих классов пропозиций, затем перейдем к характеристике самого речевого поведения.

Очень частотны в религиозном тексте высказывания второго типа, так называемые высказывания-решения. Эти высказывания представляют собой высказывания-решения, высказывания-нормы, другими словами, деонтические высказывания. Эти высказывания имеют вид «Необходимо (нужно), чтобы X», «Запрещено / разрешено X». Необходимо больше молиться, необходимо приходить в церковь, причащаться, не нужно поклоняться иконам и т.п.

Очевидно, что данные высказывания могут содержать противоречащие действующему законодательству ценности, так, высказывание «Необходимо физически уничтожить такую-то нацию» является недопустимым. Сразу, однако, отметим, что вопрос о допустимости тех или иных ценностей не входит в компетенцию лингвиста, это вопрос решений, но не фактов. При этом также отметим, что в большинстве случаев не имеет никакого значения, побуждают ли или способны ли побудить данные высказывания к конкретным действиям.

Остановимся на характеристике речевого поведения, которое было описано выше. Само по себе данное речевое поведение, вероятно, совместимо с любым юридическим решением. «Верить» и «хотеть, чтобы кто-то верил» не являются признаком состава правонарушения, однако тексты с такой иллокуцией могут распространяться с умыслом на разжигание, равно как и без такового.

Мы уже не раз отмечали, что условие искренности речевого поведения (выше отмечено буквой А) не равно юридической конструкции умысла, скорее, этот компонент можно более точно описать высказыванием «Веду себя как если бы верил (был убежден), что X», однако установление фактов иллокутивного порядка умысла. Так, при отсутствии искренности данная коммуникативная структура способна трансформироваться в структуру, которая может иметь самые разнообразные цели, включая те, которые могут интерпретироваться как умысел на разжигание.

2. Описывать некоторые семантические характеристики текстов или высказываний.

А) В центре семантических описаний по делам об экстремизме, в том числе и религиозном, находится такая семантическая категория, как образ врага. Это создающееся в спорном речевом произведении негативное представление о ком-либо, как правило о группе лиц, которые объединены по какому-либо признаку (расовому, национальному, социальному и т.п.). Образ

врага создается как оппозиция двух групп – «свои» и «чужие».

Как правило, образ врага создается на фоне так называемой «теории заговора» (К. Поппер), в которой какой-либо группе людей приписываются сознательные волевые действия, которые направлены на достижение преимуществ и благ для своей группы в ущерб всем иным группам лиц. Наиболее ярко теория заговора реализуется в идеях антисемитизма, согласно которым евреи – нация, которая стремится к мировому господству любыми средствами и способами. В данном случае «чужие» – это агрессоры, а «свои» – жертвы.

Менее идеологизированные способы создания данного образа сводятся к идеям:

– чуждости характера, культуры и т.п. группы «чужие» (в данном случае реализуется идея «чистоты» группы «свои»);

– порочности и низменности национального характера или национальных черт группы «чужие» (в данном случае «свои» исключительно моральны и праведны по природе);

– вырождения (дегенерации) или изначальной природной неполноценности «чужих» (в данном случае «свои» по природе или в силу активных действий превосходят «чужих» по каким-то параметрам).

Часто данные идеи облачаются в научную форму, что затрудняет экспертное исследование и требует привлечения специалистов из иных областей знания (вероятно, политологов, социологов).

Б) Лингвист способен также установить наличие / отсутствие утверждений о фактах относительно какой-либо группы лиц (данная экспертная задача имеет как прагматический, так и семантический аспект, распространение утверждений о фактах относительно какой-то религиозной группы может также являться элементом создания образа врага).

Организационные аспекты и методическое обеспечение. Едва ли не каждая статья и монография по судебной лингвистической экспертизе содержит указание на необходимость создания общепринятых методик проведения экспертиз. На наш взгляд, общепринятость не является и не может быть самоцелью методических разработок, но в лучшем случае является следствием выполнения некоторых («в лучшем случае» – потому что более удовлетворительная методика может быть менее признанной) методологических презумпций, которые способны обеспечивать качество методики.

Первое требование, которое, на наш взгляд, должно быть предъявлено к методике, заключается в том, что

методика должна быть основана на удовлетворительной теории – теории, которая описывает непротиворечивым и полным образом все известные факты. Так, например, методика, которая основана на теории критериев, которую мы описывали выше, не может быть эффективной, она не способна удовлетворительным образом описывать факты (отметим, что подход от критериев в настоящее время весьма распространен).

Второе требование, которое должно быть предъявлено к методике (это требование справедливо и относительно теории, которая лежит в основе методики), заключается в том, что методика и/или теория должны выдержать (выдерживать) попытки их опровержения [3], что предполагает широкое обсуждение этих методик, включая критическое их обсуждение.

К настоящему времени ни первое, ни второе требование, на наш взгляд, не выполняются.

В данной статье остановимся на втором требовании (первое подробно рассматривалось нами в [5]). Нет необходимости обосновывать то, что традиция критического обсуждения методических приемов или даже части методических разработок, которые представлены в некоторых работах по лингвистической экспертизе, в настоящее время весьма слаба. И эту традицию еще больше ослабляют методики, которые разработаны в настоящее время в государственных экспертных учреждениях и которые получили гриф «Для служебного пользования». Такие методики попросту защищены от критики – базового инструмента роста научного знания. В этой связи они имеют все шансы стать общепринятыми, но не в силу того, что они эффективны или способны адекватно описывать факты, а в силу того, что они приняты как методики и ими реально руководствуются. Встает вопрос: каким образом обоснована их эффективность и адекватность? Вероятно, те, кто разрабатывал данные методики, и те, кто заказывал их разработку, предполагают, что названные характеристики методик проведения экспертизы по религиозному экстремизму вытекают из авторитетности и – что, конечно, более важно – непогрешимости конкретных ученых или группы ученых, которые эти методики разрабатывали. Нет никаких сомнений, что при таком подходе к методическому обеспечению судебной лингвистической экспертизы на современном уровне ее развития суггестивный аспект, который связан с магическими словами «типовая методика», «для служебного пользования» и т.п., окажется более значимым, чем объяснительные и описательные возможности любой произвольной теории или методики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Особенно ярко это проявилось в последние годы в оценке текстов религиозной организации «Свидетели Иеговы».

²Принцип эссенциализма на примере оскорбления подробно описан нами в [1].

³Проблема критериев очень распространена в фундаментальной лингвистике, достаточно вспомнить вопрос о том, каковы же критерии текста, чтобы убедиться в этом. Лингвистическая экспертиза не внесла ничего нового в концепцию критериев, но является всего лишь продолжением темы критериев, которая имеет огромное значение в фундаментальной лингвистике.

⁴Так как в производстве экспертизы системно смешиваются решения и факты, экспертиза как деятельность становится зависимой от социальной, моральной и даже религиозной точки зрения эксперта.

⁵Эмпирическая бессодержательность таких выводов особенно понятна, если мы попробуем конкретизировать поставленные вопросы. Так, на вопрос «Потеряет ли уважение к данной религии после прочтения текста конкретное лицо, скажем, Петров?», вероятно, можно ответить только фразой (причем тавтологически истинной): «Либо потеряет, либо нет». Если конкретизировать вопрос относительно группы лиц и поставить вопрос «Если текст прочитают 20 человек, то потеряют ли они уважение к негативно оцениваемой в тексте религии?», то мы уже вероят-

но можем ответить: Некоторые, вероятно, потеряют, а некоторые из 20 не потеряют, либо все не потеряют, либо все потеряют». Другими словами, ответ на поставленный вопрос сводится к утверждению «Все может быть». А если это так и все варианты возможны, значит, пока не существует удовлетворительной «теории подрыва уважения» и вряд ли целесообразно давать ответы на подобные вопросы.

⁶Отметим также, что вопрос «Что такое религия?» с эмпирической точки зрения также лишен содержания.

⁷Например, по данным психологического исследования одной националистской листовки, были получены интересные «парадоксальные» результаты. По результатам факторного анализа характеристик восприятия образца № 2 (женщина и ребенок) был выделен 1 значимый фактор, в который вошли следующие значимые показатели: не вызывает чувства унижения собственного достоинства (0,821), невраждебный (0,876), социально приемлемый (0,789), нешокирующий (0,757), неагрессивный (0,792), невызывающий (0,856), непровокационный (0,797). В целом данный образец воспринимается респондентами с позитивных позиций.

⁸Это не означает, что в религиозных текстах не могут употребить речевые акты угрозы, оскорбления, утверждения и т.п., выявление которых является значимым по делам о религиозном экстремизме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бринева К.И.* Теоретический принцип эссенциализма при описании оскорбления в юридической лингвистике // Культура и текст. 2011. № 12. С. 394–412.
2. *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Н. Новгород, 2002.
3. *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
4. *Бринева К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул : Изд-во Алт. гос. пед. акад., 2009. 252 с.
5. *Бринева К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010.
6. *Мишланов В.А., Салимовский В.А.* К теоретическим основаниям судебной лингвистики : Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. URL: <http://www.siberia-expert.com/publ/sati/stati/4-1-0-195>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 сентября 2013 г.